

Любовь проверяется временем, или Его нежная дрянь

Автор:

[Юлия Шилова](#)

Любовь проверяется временем, или Его нежная дрянь

Юлия Витальевна Шилова

Эффектная зеленоглазая Валерия сама бы рада была изменить свою жизнь, но это никак не удастся. Ее любовник – криминальный авторитет, ее работа смертельно опасна, ее душа пуста без любви... Временами она чувствует себя настоящей дрянью. Чаша терпения переполняется, когда Валерия видит очередного «клиента», умирающего в страшных мучениях в подсобке ресторана. Она бежит прочь. И на Арбате встречает того, рядом с кем ощущает себя чистой и невинной, хрупкой и ранимой. Но не такто просто вырваться порочного круга, выйти из преступной игры, в которую она так долго играла... Ранее роман выходил под названием «Его нежная дрянь».

Юлия Шилова

Любовь проверяется временем, или Его нежная дрянь

От автора

Дорогие мои друзья, я безумно рада встретиться с вами вновь!

По этой роскошной обложке нетрудно догадаться, что в моей жизни произошли сильнейшие изменения, настало время коренных перемен!

Я перешла в ДРУГОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО, а это значит, что у меня открылись грандиозные перспективы и новые возможности! Издательская группа АСТ дружелюбно распахнула мне свои объятия и разбудила такой аппетит к жизни, какого уже давно не было. Хочется жить, творить, писать, любить и обнимать целый мир!

А еще я сменила имидж и стала блондинкой.

Да здравствует НОВАЯ ЖИЗНЬ!

НОВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО!

НОВЫЙ ИМИДЖ!

НОВЫЙ САЙТ: WWW.SHILOVA.AST.RU! У меня все новое, даже почтовый ящик для ваших писем:

129085, Москва, абонентский ящик 30.

* * *

За недолгим расставанием пришла наша с вами встреча. Я с нетерпением ее ждала, прилагала все усилия, чтобы она случилась поскорее. Я безумно благодарна вам за то, что вы держите в руках эту книгу. Она была написана несколько лет назад, но мы с вами подарили ей новую жизнь.

Этот роман очень мне дорог. Сейчас за моими плечами уже больше пятидесяти книг, а этот роман был одним из первых в моем писательском багаже. Тогда я была начинающим автором, но безгранично верила в свою счастливую звезду и знала: мои книги обязательно найдут читателя, потому что они написаны искренне. Я люблю этот роман, ведь в нем есть частичка моей души и моего сердца.

Я работала над этим романом и верила в то, что даже за тучами всегда есть яркое солнце. Я научилась использовать свое творчество как лекарство против любого стресса.

В письмах вы довольно часто задаете мне один вопрос: как отличить мои только что написанные книги от тех, которые уже выходили несколько лет назад, ведь теперь у всех романов двойные названия. Это очень просто. Пожалуйста, будьте внимательны и помните, что вы мне очень дороги и, поверьте, никто не хочет вас обмануть. На обложках новых книг есть слово **НОВИНКА**. На книгах, написанных несколько лет назад: **НОВАЯ ЖИЗНЬ ЛЮБИМОЙ КНИГИ**. Никаких хитростей и секретов нет. Просто сроки действия договоров с одним издательством истекают, и книги переходят в другое издательство.

Издательская группа АСТ сделала моим читателям настоящий подарок. Вы только посмотрите, в какой красивой и притягательной обложке вышла эта книга! Я восхищена новой серией и могу честно признаться: у меня еще никогда не было столько красивых обложек. У книг новая редактура, а у меня появилась потрясающая возможность вносить дополнения, делиться размышлениями и, как прежде, общаться с вами на страницах своих романов. И я по-прежнему могу отвечать на ваши письма и вопросы в конце книг, рассказывать, что происходит в моей творческой жизни, да и просто говорить о том, что на душе.

Сейчас у меня появилась уникальная возможность представить на ваш суд книгу «Любовь проверяется временем, или Его нежная дрянь». Оцените сами, как же она похорошела, словно обрела совершенно новое лицо. Я и сама не дождусь момента, когда возьму ее в руки, полистаю странички и переживу все события романа заново.

Итак, мы вместе с вами окунемся в мир еще одной женской судьбы и, как всегда, попытаемся не судить ее строго. **ОНА ТАКАЯ КАК ЕСТЬ**. Она живет так, как себя чувствует, и мы должны воспринимать ее такой, потому что она **ОСОБЕННАЯ** и никогда не станет такой, какой хочется другим. Будем к ней благосклонны, потому что она **ЖЕНЩИНА**, а женщина в этой жизни имеет право хотя бы на то, чтобы никогда ни перед кем и ни за что не оправдываться. Она знает, как пережить бурю. Она умеет вкладывать в отношения, но умеет и брать. Сила женщины в том, что она принимает себя такой, какая она есть, и никогда не жалеет об упущенных возможностях. Она любит себя и не боится себе в этом признаться. Она даже из самых сложных ситуаций выходит с наименьшими потерями.

Не бойтесь быть сильными! У сильных больше возможностей! Не бойтесь блефовать, рисковать, а уж если проигрывать, то делать это достойно. Вся наша

жизнь – борьба, и из этой борьбы мы выносим самое главное – ЖИЗНЕННЫЙ ОПЫТ.

Я верю, что этот роман займет достойное место на вашей книжной полке. Я предлагаю прожить вместе с моей героиней немало волнующих событий, преодолеть с ней все трудности в поисках женского счастья. Только вот найдет ли она его? За время чтения накопится много вопросов, на которые нам придется искать ответы.

Спасибо за взаимопонимание, за любовь к моему творчеству и за то, что вы согласны со мной, что мои книги, изданные в новом оформлении, представляют ничуть не меньшую ценность, чем те, которые только что вышли из-под моего пера. Спасибо за то, что вы помогли мне подарить этой книге новую жизнь. Мне сейчас, как никогда, необходима ваша поддержка. Я буду собирать новую серию вместе с вами и радоваться тому, как же хорошеют мои книги день ото дня. Наконец я увидела именно ту обложку, о которой мечтала все эти годы...

Устраивайтесь поудобнее и наслаждайтесь чтением. А я мысленно буду рядом.

До встречи в следующей книге.

Любящий вас автор,

Юля Шилова.

Пролог

Вот уже которую ночь я провожу без сна и наконец почувствовала: все, что накопилось во мне за долгие годы, я просто обязана изложить на бумаге. Мне нестерпимо тяжело носить это в себе. Чистый листок бумаги должен стать моим спасением, утешением. Возможно, он освободит мое сердце от гнетущей тоски, от чувства вины и крайней безысходности. Бог мой, не знаю, как я стала такой. Превратилась в воплощение зла и поняла, что не могу справиться с собою. Если бы кто-то раньше сказал мне о том, что на свете существует сумасшедшая любовь, в которой могут сгореть двое обезумевших от страсти людей, я бы

никогда не поверила. Но она есть. Черт побери, она есть! Я сама ее видела... Честное слово, я ее видела... Не советую вам любить. После того как все закончится, будет больно. Даже слишком больно. И не надейтесь, что со временем все забудется. Не надейтесь. Цена за любовь одна – одиночество. И не важно – есть кто-то рядом с вами или нет. Вы будете одиноки в толпе. И даже в другой любви...

Я беру листок бумаги и начинаю писать. Я уже давно привыкла к тому, что люди считают меня обворожительной, стервозной, заносчивой, циничной, бессердечной... Может быть, в чем-то они и правы. Я сама создала свой имидж яркой, экстравагантной, сексапильной красавицы и не собиралась его менять. В моей жизни было много головокружительных романов, наверно, даже слишком много для женщины моего возраста. После разрыва с очередным возлюбленным я впадала в жестокую депрессию, но затем брала себя в руки и продолжала искать мужчину, который никогда не говорил бы мне о том, что со мной невозможно жить, а прощал бы мне мои экстравагантные выходки, понимая, что и такая сумасбродка, как я, нуждается в тепле и заботе. Что тепло и забота могут превратить заносчивую и дерзкую тигрицу в ласковую домашнюю кошечку.

Неожиданно я прекращаю писать и начинаю рассматривать свои пальцы. Они длинные, изящные. Я горжусь своими ухоженными руками и никогда не упускаю случая их продемонстрировать. Мужчины любят ухоженные руки. Я люблю демонстрировать не только свои руки, но и свое тело. Особенно в те моменты, когда разожжен камин. Красивый силуэт на фоне огня... В этом что-то есть. Я встаю спиной к огню, потому что знаю – именно так лучше всего просматриваются линии моего тела. Ни один мужской глаз не оставит без внимания ни мое прозрачное платье, ни то, что я под ним скрываю.

Я посмотрела на свое кольцо с несколькими сверкающими бриллиантами и грустно улыбнулась. Я не снимала его ни разу с тех пор, как тот, кого я любила, надел мне его. Оно очень похоже на обручальное. Он надел на мой палец кольцо и сделал мне предложение. Вернее, не так. Я не сразу поняла, что он делает мне предложение. Он говорил очень сумбурно. Путался, краснел, опускал глаза, как провинившийся школьник. Я тоже заметно нервничала. Тогда он встал на колени и быстро проговорил: «Выходи за меня замуж». Я почувствовала, как на глаза навернулись слезы. Я хлебнула слишком много горя и когда-то дала себе зарок – чего бы мне это ни стоило, обязательно стать счастливой. Обязательно. Но... Не всем нашим желаниям суждено сбыться. Я с радостью приняла его

предложение. Однако мы так и не смогли быть вместе. Я осталась одна. Вернее, нет, не одна. Со мной остались фотографии, на которых мы страстно целуемся, смеемся, просто дурачимся. У меня остались его записки. «С добрым утром, дорогая. Я побежал на работу. Люблю. Целую». Их целый ворох. Ими можно запросто растопить камин. На стуле остался висеть свитер. Он пахнет любимым мужским телом. Господи, как же долго вещи могут держать человеческий запах! Как же долго! Когда я смотрела на этот свитер, я слышала дыхание любимого. Когда надевала, чувствовала, как он сжимает меня в своих крепких объятиях. Я не могла отделаться от ощущения его присутствия. Везде. В моем доме, в моей машине, в соседнем магазине и даже на улице. В памяти все время возникала наша первая встреча, первый поцелуй, первые объятия и наша первая ночь...

Мы не смогли пожениться. Испепеляющая страсть не оставила на этот шаг ни моральных, ни физических сил. Мы были слишком истощены и слишком потеряны. Мы должны были освободиться друг от друга и заново построить свою жизнь, в которой не было бы нас двоих. Мы были одиноки вдвоем и стали еще более одиноки, расставшись. От общих знакомых я знала, что он по-прежнему один. Его одиночество скрашивают наши фотографии, которые он рассматривает часами, и наша видеосъемка. А еще говорят, он знакомится с совсем юными девушками прямо на улице и приглашает их к себе домой «на чашечку кофе». Этих девушек слишком много, они меняются с удивительной скоростью. Наверно, именно так он выходит из ступора. Он всегда говорил, что случайный, ни к чему не обязывающий секс не имеет к чувствам никакого отношения.

В первое время после нашего расставания он много пил, перестал бриться, руки его не могли удержать даже стакан бренди. Пьянство не приносило облегчения, потому что было растоптано его мужское самолюбие. Он жаловался на жизнь, называл меня редкостной стервой и все пытался понять, почему не смог удержать и понять ту, которая была любовью всей его жизни.

Я увидела, как на листок бумаги упала слезинка, и вновь взяла ручку. Я стала описывать то время, когда я училась быть женщиной. Ведь женщинами не рождаются, ими становятся. Я училась очаровывать, удивлять, тревожить, озадачивать, меняться. Короче говоря, я училась быть стопроцентной женщиной. Ведь ни один мужчина не устоит перед настоящей женственностью. Поверьте мне, ни один. Если вы и в самом деле хотите удержать мужчину, будьте по-настоящему женственны! У женщины много возможностей. Она может быть хорошей подругой, любовницей, матерью, хорошей женой. Я долго шла к

тому, чтобы стать истинной женщиной, женщиной с большой буквы, которой неведомы соперничество и ненависть, которая не сражается, а умиротворяет, которая всегда в ладу сама с собой. Я научилась быть той женщиной, с которой настоящий мужчина чувствует себя мужчиной.

Я всегда боготворила необыкновенных женщин. Даже тех, которых уже давно нет на свете. Их нет, но остались воспоминания об их необыкновенной, скандальной и несомненно талантливой жизни. Я хотела быть похожей на них, такой же страстной, склонной к крайностям и жадной до жизни. Теперь я знаю, только сам человек может сделать свою жизнь такой, какой хочет ее видеть. Может сделать серые будни яркими, а лица близких людей счастливыми.

Я стала вспоминать своих мужчин. Чтобы сосчитать их, не хватит пальцев на руках. После крушения очередной связи я опускала руки и приходила к твердому решению быть одной. Любовные разочарования делали меня недоверчивой, неспособной к новым победам. И только теперь, после всего, что произошло со мной за последнее время, я поняла, что нужно не ждать, пока все закончится, а уметь уходить самой. Наверно, супружество – удел не каждого. Тем более в наше время. Оно давно утратило романтику, присущую ему ранее. Я всегда искала мужчину, который даст мне чувство надежности и безопасности, который укрепит мою уверенность в том, что я самая лучшая и самая неповторимая. Но мужчины оставляли меня... Они уходили, а я оставалась с чувством одиночества и безнадежности. Знакомые не знали этого и считали, что я коллекционирую мужчин, как красивое белье. Единственный мой брак длился ровно два года. Затем был громкий роман с бизнесменом, который с треском распался в самый неподходящий момент... Другой мужчина сбежал от меня после первой же ночи: я не стала скрывать свою необузданную страсть и воплотила в жизнь все свои сексуальные наклонности, а он оказался очень стыдливым и донельзя закомплексованным. Еще один долго тянул с разводом, а когда наконец развелся, я поняла, что он мне уже вовсе не нужен. Он кусал локти от злости и называл меня самими грубыми словами. Другой был влюблен в меня по уши и свою бурную любовь выражал тем, что пытался поколотить. Следующий...

Господи, мне нестерпимо тяжело говорить о следующем... Следующий был вовсе не следующим. Он был просто единственным. Познакомившись с ним, я поняла, что в моей жизни больше не будет ни предыдущих, ни последующих. Я слишком долго его искала и не думала, что могу его потерять. Мне до сих пор не верится, что все кончилось, что счастливые дни остались позади, что их не вернуть. Двое поняли, что не могут быть вместе, хотя не могут и друг без друга. Если вы

расставались любя, то знаете, как это тяжело. Боль захватывает тебя целиком, и кажется, она будет длиться вечно.

Вновь и вновь возвращаясь в прошлое, я ищу тот момент, когда разразилась беда и мы поняли, что нам придется расстаться. Мы были удивлены, но не предприняли ничего для того, чтобы исправить положение. Мы не хотели друг друга ранить, но расставание просто не может не нанести ран. Мы расставались долго и болезненно. Чтобы хоть как-то утешиться, заводили ничего не значащие интрижки, надеясь, вероятно, найти в своих новых партнерах хоть какое-то подобие друг друга, но... Видимо, Бог создал нас в единственном числе и у нас вообще не было никаких подобий. Интрижки не давали ничего, кроме чувства вины. Наша жизнь превратилась в кошмар, мы учились жить каждый в своем собственном мире и старались делать все, чтобы эти миры не соприкасались. Мы были вместе просто по инерции и так же по инерции уходили друг от друга...

Настал день, когда мы окончательно поняли, что дальше так продолжаться не может. Мы всегда были честны друг с другом, даже прямолинейны, а теперь между нами встала и все росла и росла ложь. Это было противно нам обоим. Мы начали ненавидеть не только друг друга, но и каждый себя. Конец наших отношений стал концом всему, что мы накапливали в себе долгие и долгие годы. Когда наконец мы все же расстались, моя тоска и боль стали такими сильными, что временами я была на грани самоубийства. Острое, холодное чувство одиночества не оставляло меня ни на минуту, особенно тяжело было ночью. Первое время мы пытались друг другу звонить, но это приносило еще большие страдания. Мы перестали тревожить друг друга звонками, и только в этот момент я поняла, что потеряла его навсегда... Я уже не подходила к окну, чтобы, тупо глядя во двор, ждать – вдруг появится он... Я поняла, что он не выскочил в ближайший магазин, чтобы исполнить мою прихоть – купить ананасов с шампанским... Он не убежал на работу, жадно поцеловав мои еще не проснувшиеся губы... Он не уехал в командировку... Я поняла, он не вернется... Он никогда больше не вернется... Господи, если бы вы только знали, чего мне это стоило.

Мои близкие и друзья жалели меня и пытались как-то поддержать. Но я не выношу жалости. Никогда и никакой. Со временем я стала гнать воспоминания прочь и стала пытаться наладить жизнь, в которой ничего не нужно ждать, считать дни до новой встречи, искать кого-то, мучиться от одиночества.

Но все же каждая новая весть о том, как живет он в той жизни, где больше нет меня, больно отдавалась в моей душе. Он опустил плечи, поседел, выглядит как настоящий старик. Напиваясь, он будто впадал в беспамятство и без конца повторял, что у меня просто временное помутнение рассудка, что скоро я одумаюсь и обязательно к нему вернусь. А потом он неожиданно начинал перечислять подарки, которые дарил мне. Называл меня расчетливой стервой, стараясь убедить себя в том, что я устроила наше расставание только для того, чтобы, помирившись, содрать с него как можно больше денег. А иногда он брал карандаш, листок бумаги и начинал рисовать мое лицо. Особенно хорошо ему удавались мои томные зеленые глаза, которыми я так умело стреляла по сторонам, одаривая мужчин чувственным, откровенным взглядом. За это он часто называл меня порядочной дрянью, а я громко смеялась и спрашивала: разве дрянь может быть порядочной?! Тогда он крепко прижимал меня к себе и шептал, что я, конечно же, дрянь, но редкостная – нежная и необычайно хорошая...

Я поняла, что пора остановить поток воспоминаний, иначе... Что ж, он действительно мог быть единственным моим мужчиной, ведь только он терпел мой на редкость дурной характер. Но не стоит цепляться за прошлое. Да, мужчины всегда составляли смысл моей жизни, но я научилась их терять точно так же, как теряют привычные вещи. И только последняя потеря оказалась невозполнимой.

В памяти навсегда останутся его глаза. Мы многому научили друг друга. Мы вынесли слишком много тяжелых уроков, но мы не вынесли самого главного – испытания друг другом. Нам был дан шанс, редкий шанс в судьбе каждого, – быть вместе с тем человеком, которого по-настоящему любишь. Но... В жизни бывает слишком много «но»... Мы не воспользовались этим редкостным шансом.

Говорят, в любви важнее быть любимой, чем любить самой. Сколько себя помню, я всегда была объектом чьей-то любви и убеждала себя в том, что я достойна этого, что я все это заслужила, выстрадала. Чаще всего я умело создавала иллюзию взаимности и пользовалась чьей-то любовью на полную катушку. Возможно, это эгоизм. Но все мы эгоисты. Кто-то в большей степени, а кто-то в меньшей. Позволяя себя любить, я считала, что это уже немало. Но тот, кто любит, в конце концов почувствует фальшь и если не перестанет любить, то будет потихоньку, медленно, но верно убивать свою любовь, стараясь со временем свергнуть объект своей любви с пьедестала.

На этот раз не было фальши. Мы любили оба. Любили взаимно, смело, откровенно и страстно... Мне не было легко с этим человеком, хотя говорят, что в любви должно быть легко. Мужчины всегда оказывали на меня давление, старались подчинить себе, заставить признать безоговорочную капитуляцию. А он... Он был совсем другим... Не таким, как все. Он воспринимал меня такой, какая я есть, и никогда не пытался меня переделать. Согласитесь, что таких мужчин единицы. Редко какой мужчина может предоставить любимой женщине полную свободу самовыражения, а он смог. Он слишком многое мне позволял, точно так же, как позволяла ему я.

Раньше больше всего на свете я боялась одиночества. Само это слово вызывало у меня шок. А теперь я понимаю, что одиночества боятся те, кому скучно наедине с самим собой. А если человеку скучно самому с собой, это значит, что и другим с ним будет скучно. Говорят, одиночество нарушает психику, отравляет жизнь и толкает на самые отвратительные поступки. Говорят, что с одиночеством обязательно нужно бороться, иначе последует затяжная депрессия. Я испытала одиночество, когда потеряла своего любимого. Настоящее тягостное одиночество... Это было похоже на удушье. Я задыхалась без любви, но точно так же задыхалась и в ней. Я напоминала неудачливого ныряльщика, который прыгает в омут под названием «любовь»... Он хочет пробыть в этом омуте как можно дольше, но у него ничего не получается, он начинает задыхаться, а когда пытается вынырнуть, омут крепко держит его, лишает воли.

Я вспомнила, как ходила к психоаналитику, чтобы он помог мне примириться с действительностью, научиться жить без этого человека. Надеялась, что врач подскажет, как это сделать, а он сказал, что мой бывший возлюбленный совершенно не мой человек, и выписал мне таблетки феназепама. После этих таблеток я почувствовала себя еще хуже. Меня перестали душить слезы, но я побледнела и осунулась и вообще перестала понимать, что делаю, как живу. Именно в таком состоянии я случайно увидела его. Он неплохо выглядел, и мне показалось, что он научился жить без меня. В отличие от меня у него это получилось. Может быть, это было не так. Может быть, мне показалось. Но я увидела благодущие, которое преобладало над горечью и разочарованием.

Не знаю, как у меня появилось желание убить его. Просто появилось, и все. Это дикое желание переполнило все мое существо. Я внимательно посмотрела ему в глаза. В них не было боли. В них была жизнь. Та жизнь, которая больше не требовала моего присутствия, шла сама по себе, независимо от моего

существования. И была вполне уютной, комфортной.

– Подсудимая, на выход!

Я вздрогнула и быстро поднялась со своего места. Не зря, наверно, в народе говорят, что от сумы да от тюрьмы зарекаться нельзя. Бог мой, я в тюрьме! Я иду на допрос... Все это время я говорила о нем как о живом, потому что мне до сих пор кажется, что он жив. Он и в самом деле жив в моей памяти, в моих мыслях, моих фантазиях и моих несбыточных мечтах. Я люблю его как прежде, а может быть, даже сильнее...

Я не могла привыкнуть к тому, что меня называют убийцей. Я не хотела представлять его перепуганное лицо, вспоминать его жалобный крик. Я представляла его счастливую улыбку и радостные, любящие глаза. Его руки, такие родные и такие сильные. Вспоминала его уверения, что мы всегда будем рядом, чего бы нам это ни стоило... Он говорил, что мои волосы пахнут свежей соломой... А я говорила, что, если он когда-нибудь сможет меня позабыть, я не выдержу и обязательно его убью... Он смеялся, прижимал меня к себе и говорил, что я женщина всей его жизни, что таких, как я, не забывают...

Заложив руки за спину, я вышла из камеры.

Глава 1

Я так и не завела себе мужа, потому что у меня

Есть кот, собака и попугай. Собака с утра

Ворчит, попугай весь вечер ругается, а кот

Возвращается домой за полночь.

Мария Корелли, английская писательница

Бог мой, мне опять приснилась Венеция! Я вновь закрыла глаза, чтобы вернуться в свой сон. Я сижу на камнях мостовой, прислонившись спиной к парапету набережной. На моем лице карнавальная маска. Я не одна. Мою руку держит незнакомый мужчина с довольно приятным выразительным голосом. Он одет в карнавальный костюм ковбоя, на лице черная маска с наклеенными осколками битого цветного стекла. Мы чувствуем себя совершенно измотанными. Все-таки десять дней карнавального безумия... Десять долгих бессонных ночей с громко кричащей музыкой и мельканием праздничных огней в глазах. Я даже помню название моста, у которого мы сидим. Риальто. Этот мост называется Риальто. Странно. Я никогда раньше не была в Венеции, следовательно, не могла знать название моста. Я держала своего спутника за руку и благодарила за то, что он заказал нам маски Палассио-Грасси. Эти маски всегда отличались особой изысканностью и, конечно же, высокой ценой.

...Я потеряла заспанные глаза и решила, что вот как только разгребусь с навалившимися на меня делами, обязательно поеду в Венецию, куплю себе дорогую маску и найду этот мост... И пусть со мною рядом не будет того, кто мне приснился, я обязательно сяду на камни мостовой, прислонюсь к парапету набережной, буду улыбаться проходящим мимо венецианцам и желать им доброго дня.

Пронзительный телефонный звонок заставил меня вернуться в реальность, и я лениво потянулась за трубкой.

– Слушаю.

– Здравствуй, Лера! Здравствуй, солнышко, – проворковал в трубке голос моего любовника.

– Привет, – нехотя произнесла я и откровенно зевнула.

– Как спалось?

– Как всегда.

– Я хотел спросить, как тебе спалось без меня? – попытался уточнить мой любовник.

– Без тебя мне всегда одиноко, – не моргнув глазом соврала я. – Стас, скажи, а ты когда-нибудь был в Венеции?

– Был пару раз.

– Ты как-то пресно ответил на мой вопрос.

– А как ты хотела, чтобы я на него ответил?

– Ну как-то более романтично. Ведь тебе там безумно понравилось.

– Ну насчет того, что мне там безумно понравилось, я тебе не говорил. Не город, а самое настоящее болото. Все время дожди и комары злющие...

– Совсем не романтично. Ну а на карнавале ты был?

– Был. Но по крайней мере этот карнавал не произвел на меня впечатления, которого я ожидал.

– А что на тебя вообще производит впечатление?! – не скрывая обиды, отчеканила я.

– Например, такая женщина, как ты. Я не пойму, Лерка, что ты взъелась-то?! В этой Венеции вообще ловить нечего. Помойка, а не город. Воняет какой-то тухлятиной и сыростью. У меня чуть астма не развилась, ей-богу. А на этом карнавале, кроме мигрени, я вообще ничего не чувствовал. Гремит музыка, орут пьяные, все почему-то хохочут...

– А с кем ты туда ездил?

– С женой.

– Наверно, именно поэтому тебе там и не понравилось.

– Ну, если тебе так хочется, мы как-нибудь съездим вдвоем.

– Не хочу.

– Почему?

– Не хочу ездить туда, где ты был со своей женой.

– Вот и правильно. Лучше мотанем в какое-нибудь более приличное место.

– Стас, скажи, а в Венеции есть мост Риальто?

– Есть, а откуда ты про него знаешь?

– Странно. Он мне просто приснился.

– Ну и сны у тебя...

– Нормальные сны. Очень странно, что мне снятся вещи, которых я раньше не видела и даже никогда не слышала о них.

– И что же тут странного?

– Но ведь я знаю название этих вещей! Никогда не думала, что такое может быть.

Мой любовник никогда не отличался особой фантазией и потому быстро сменил тему:

– Лер, ты не о том думаешь. Сегодня у тебя ответственный день, лучше о работе думай.

– У меня каждый день ответственный! Если о работе постоянно думать, в психиатрическую лечебницу загремишь.

– Ну зачем же постоянно... Просто пора настраиваться на нужный лад, а то мне кажется, что ты еще в кровати валяешься, – никак не мог успокоиться мой деловой любовничек.

– Валяюсь, и что из этого?!

– Так ведь через пару часов к тебе ребята приедут. Ты должна быть в полной боевой готовности. Уж я-то знаю, что ты свое лицо по утрам часа два пудришь-красишь...

– Милый, ты меня с кем-то путаешь. Мне хватает тридцати, а иногда и двадцати минут.

– Ну хорошо. Давай вставай и начинай собираться. Когда ты идешь на работу, я всегда переживаю за тебя, моя девочка. Пускай тебя хранит моя большая любовь. Сегодня вечером завалимся в ресторан и оторвемся по полной программе. Береги себя, родная. Обязательно береги.

– Стас, давай обойдемся без трогательных реплик! Аж муторно, ей-богу. Когда я закончу, обязательно позвоню.

– Странная ты, Лера. Женщины только и ждут от мужчин ласковых слов, а тебе, я смотрю, они совсем не нужны. Иногда ты такая ласковая и пушистая, а иногда такая щетинистая и колючая. Скажи, а когда тебе снилась Венеция, ты была там одна?

– Нет.

– С мужчиной?

– С мужчиной...

– С каким мужчиной?!

Я почувствовала, что Стас не на шутку занервничал.

– Я что-то не пойму... Ты ревнуешь меня к моему сну?!

– Я не ревную. Я просто задал вопрос.

– Но ведь это всего-навсего сон...

– Думаю, этот сон не такой уж и безобидный, совсем не такой, каким ты хочешь его представить.

Закончив разговор, я положила телефонную трубку и с удовольствием потянулась. Где-то там осталась далекая Венеция с незнакомым мужчиной, одетым в костюм ковбоя, манящие карнавальные огни и пьянящее ощущение свободы. А впереди реальная жизнь с уже порядком поднадоевшим любовником, к ревности которого я научилась относиться довольно равнодушно.

Вскочив с кровати, я направилась в ванную и встала под ледяной душ. Холодный душ всегда приводит в порядок мою нервную систему, дает положительный настрой. Постояв пару минут под упругими струями воды, я закуталась в махровое полотенце и посмотрела на часы. До того как приедут мальчики, оставалось полтора часа, предостаточно, чтобы выпить чашечку ароматного кофе, нанести грим на лицо и вообще привести себя в тот вид, который необходим сегодня. Я должна стать загорелой эффектной женщиной, значит, побольше темно-абрикосового тона. Пудра тоже более темного оттенка, чем обычно... Ярко-красная, кричащая помада придаст мне еще больше сексапильности, даже вульгарности. И конечно же, васильковые линзы... О, эти незабываемые васильковые глаза, которые так любят мужчины! Я улыбнулась своему отражению в зеркале, затем приклеила длинные накладные ресницы. Перед такими глазами не устоит ни один, даже самый стойкий мужчина!

Достав из комода совершенно белый парик с пышными локонами до самых плеч, я натянула его на голову и слегка причесала. Кокетливо поправив непослушный локон, я сложила ярко-красные губы бантиком и захлопала своими роскошными ресницами.

– Хороша, чертовка! Бог мой, как же хороша! – Я послала воздушный поцелуй своему отражению. – Если бы я была мужиком, то при виде столь обворожительного создания тут же бы лишилась рассудка или, на худой конец, потеряла дар речи. Но мужик нынче пошел не тот. Голыми руками не возьмешь. Просто так не сдается. Для того чтобы он потерял рассудок, приходится поработать некоторое время. Импотенция, одним словом, она самая...

Надев легкую юбку с заниженной талией и такую же легкую кофточку, я подошла к иконке, стоящей на подоконнике. Перекрестившись, произнесла вызубренную наизусть молитву и попросила у Бога прощения за все свои прошлые многочисленные грехи. Да и не только за прошлые. За предстоящие тоже.

Обведя блуждающим взглядом квартиру, я посмотрела на свою детскую фотографию, которая стояла в рамке на журнальном столике. Смеющаяся маленькая девчушка с огромными белыми бантами на голове и железным значком из серии «Ну, погоди!» на праздничном платье. Внизу надпись: «Валерия. Пять лет».

– Я обязательно вернусь, – глухо сказала я своей детской фотографии и, едва сдерживая слезы, отвернулась.

Я говорю так всегда... Всегда, когда уйду на свою работу. Потому что не знаю, вернусь обратно или нет. Не знаю, потому что я работаю в криминальной структуре, которая живет по своим понятиям. Моя работа связана с махинациями, и в народе меня именуют довольно просто – мошенницей. Мошенница. Некрасивое слово, даже какое-то неприятное. Как правило, жертвами мошенников становятся доверчивые люди, которых легко обвести вокруг пальца. Свои деньги я зарабатываю с риском для жизни. Я не просто мошенница. Я аферистка. И понимаю, что каждая моя игра может стать последней. Но при этом я никогда не обману больного, старого, немощного и бедного. Я просто умею обманывать... Обманывать тех, кто поддается обману... Ведь, по своей сути, что такое обман? Обман – это сознательное введение в заблуждение кого-либо. Проще говоря, это ложь. А уж чего-чего, а лгать я умею. Этому научила меня моя жизнь.

Мой любовник, которому принадлежит эта криминальная структура, называет меня специалистом высочайшего класса и считает, что мое мастерство продолжает расти. Говорит, что такую женщину, как я, долго искал. И наконец нашел. Возможно, повезло ему, а возможно, повезло мне. Но мы встретились... Не знаю, благодарить мне судьбу за эту встречу или наоборот... Стас утверждает, что мы жутко похожи, обоих тянет к шальной жизни, когда нужно ходить по лезвию бритвы. Смертельный риск – постоянный спутник нашей жизни, и от этого никуда не денешься.

Тихонько махнув рукой своей детской фотографии, я прошептала:

– До встречи...

Выскочила за дверь и помчалась вниз по лестнице. В это время в моей сумочке зазвонил мобильный.

– Алло, Лер, ну ты что?! – раздался в трубке возбужденный голос Петра. – Где тебя черти носят?!

– Бегу!

– Карета подана.

– Скоро буду!

– А настроение как?

– Нормальное.

Сунув мобильный в сумку, я поправила парик и уверенным шагом направилась в сторону парка. У входа в парк стояла машина «скорой помощи», которая мне собственно и была нужна. Дверь «скорой» открылась, и я запорхнула внутрь. Рядом с носилками сидел взволнованный Петр и нервно постукивал мобильным телефоном по своему гигантскому колену.

– Привет, – бросила я, взглянув на белоснежный медицинский халат, лежавший на носилках.

Петр посмотрел на часы:

– На пять минут опоздала, барышня.

– Пять минут не двадцать. Не паникуй, успеем.

Быстро расстегнув пуговицы на своей легкой кофточке, я сердито посмотрела на Петра и прошипела:

– Так и будешь пялиться?! Может, отвернешься?!

– Больно надо мне на тебя пялиться! – Петр отвернулся и тяжело засопел. – Что я там не видел?! Вас, баб, не поймешь. На пляжах почти голяком носитесь, лифчик ни в жизнь не заставишь надеть, а то недотрог из себя корчите. Стасу, наверно, все позволяешь.

– Стасу позволяю! – отрезала я, облачаясь в медицинский халат. – На то он и Стас!

– Ты хочешь сказать, что я хуже Стаса?!

– Я этого не сказала, но если понадобится, скажу. Вот когда будешь Стасом, тогда и поговорим.

– Не забывай, что у Стаса есть законная жена, а я холостой.

– А я замуж не собираюсь.

– Так и будешь до старости в девках ходить?!

– Мне еще о старости рано думать.

Я специально не застегивала верхние пуговицы на облегающем халате, чтобы просматривалась моя соблазнительная грудь. Сложив свою одежду в пакет, я поторопила Петра:

– Что сидишь? Халат надень.

– Успею. Мне штаны снимать не нужно. Я его сверху накину, и все.

– Так накидывай.

– Приедем, тогда и накину.

– Тогда у нас вообще времени не будет.

Петр недовольно поморщился, но халат все же накинул.

– Поедешь в кабине с водителем, – скомандовала я.

– А мне, может, с тобой хочется.

– Хочется – перехочется. Садись к Славке в кабину и входи в образ медицинского работника.

– А что мне в него входить? Я из него и не выходил!

– Садись к Славке, – устало повторила я. – А то я Стасу пожалуюсь, что от тебя толку никакого, только всю работу портишь.

– «Стасу пожалуюсь»... – передразнил меня Петр. – Жалуйся, если тебе уж так хочется, жалуйся сколько влезет.

Петр привстал, и в этот момент из кармана его брюк выпал пистолет. Он моментально его поднял и тут же сунул обратно.

– А это что такое?!

– Ничего.

– Как это ничего?!

– Так это ничего.

– Но ведь у тебя же пистолет упал?!

– Но ведь я его поднял.

– Ты должен положить его так, чтобы он больше не падал. А если он у тебя в самый неподходящий момент выпадет?! Все дело поломаешь.

– Лер, я смотрю, ты сегодня не с той ноги встала! А может, тебя Стас давно не трахал? Оно и понятно. Как-никак двух баб обслуживает. Самое главное, чтоб жена была довольна, а любовница как-нибудь перебьется.

– Не скажи. Обычно мужики у любовниц выкладываются, а на жен у них сил вообще не остается.

– Ага, давай успокаивай себя, может, тебе и в самом деле легче станет.

Глава 2

Машина «скорой помощи» неслась по шумным московским улицам. Я положила на колени медицинский чемоданчик и равнодушно смотрела в окно.

– Лер, может, музыку включить? – слышался голос водителя.

– Какая, к черту, музыка?! Нас ГАИ в любой момент остановить может.

– Не переживай. ГАИ «скорые» вообще не трогает, да и документы у нас в порядке. Ни с какой стороны не подкопаешься.

– Соображать надо! В «скорых» музыка никогда не играет. В них рация на всю катушку работает.

Вскоре мы оказались в пробке. Петр не выдержал.

– Включай мигалку, поехали по «встречке»! – скомандовал он и посмотрел на часы. – До обеда осталось совсем немного. Можем не успеть. Если бы знали, что Лерка будет так копать, договорились бы выехать пораньше.

– Да опоздала-то всего на пять минут! – разозлилась я. – Ты что ко мне придираешься? Все не можешь успокоиться, что я со Стасом, а не с тобой?!

– Да ты мне даром не нужна! У меня своих баб хоть отбавляй!

Славка никогда не обращал внимания на наши стычки и сохранял завидное самообладание. Включив мигалку, он выскочил на встречную полосу и прибавил газу.

– Если у тебя любовниц полно, чего ж тогда смотришь на меня так, словно у тебя челюсти сводит?! Ты особо-то не усердствуй!

– А я и не усердствую.

– Ну все, ребята. Прибыли. Остальное за вами, – прервал наши пререкания Славка.

Я взяла чемоданчик с медикаментами и вышла из машины. Следом выскочил Петр.

– Вроде бы приехали вовремя. Обед только начался. Видишь, соседнее здание слева? – Петр заметно нервничал. – Это недорогое кафе. Все сотрудники обедают там.

– Ты что, предлагаешь нам отобедать? – не упустила возможности съязвить я.

– Я к тому, что сейчас в офисе народу поменьше.

– Вот и замечательно. Ладно, Петр, с Богом. Время пошло. Знай, как бы мы с тобой ни ссорились, ты всегда был хорошим напарником.

– Это ты к чему?

– Да так просто...

– Просто так ничего не бывает. Мне что-то твой настрой совсем не нравится.

Я нажала на кнопку звонка и сделала крайне серьезное лицо, глядя прямо в направленную на меня видеокамеру.

– Фирма «Радар». Вы к кому? – послышался голос из небольшого динамика, встроенного в железную дверь.

– Здравствуйте, вас беспокоит бригада «скорой помощи» по поводу предписания Минздрава о вакцинации против холеры.

– По поводу чего?

– Вакцинации против холеры, – как можно убедительнее повторила я все с точно таким же серьезным выражением лица.

– Вы к начальству?

– К начальству.

– Входите.

Петр потянул дверь на себя, и мы зашли внутрь. Прямо перед нами сидел охранник и смотрел на нас испуганным взглядом.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровался он и самым наглым образом уставился на мою грудь. – Вы знаете, у нас сейчас обеденный перерыв, все на обеде, но начальник здесь. Он на обед не ездит, потому что поздно на работу приезжает. Пройдите прямо по коридору. Последняя дверь.

Охранник говорил торопливо, постоянно сбиваясь. Моя приоткрытая грудь подействовала на него, как на быка красный цвет. Я улыбнулась охраннику и пошла по коридору, плавно покачивая бедрами. Петр прокашлялся и направился следом за мной.

Постучавшись, мы вошли в кабинет. За огромным офисным столом сидел лысоватый мужчина лет сорока пяти. Оторвав взгляд от компьютера, он посмотрел на нас и, увидев мое чересчур откровенное декольте, от растерянности открыл рот.

– Здравствуйте. Мы по поводу предписания Минздрава, – протянула я тоненьким голосочком.

– Здравствуйте... Какого предписания? – Директор фирмы раскраснелся и по-прежнему не сводил глаз с глубокого выреза на моем халате. Он смотрел на аппетитную ложбинку между моих грудей и тяжело дышал.

Поставив чемоданчик на стол, я игриво откинула белоснежный локон.

– Странно, что вы ничего не слышали про предписание Минздрава. – Я говорила довольно уверенно, делая особый акцент на слове «Минздрав». Потом достала из чемоданчика свернутую вдвое бумагу и положила ее на стол директора. – Вот письмо, заверенное печатью. Об этом предписании весь город говорит. В письме черным по белому сказано, что вакцинация касается всех – и государственных предприятий, и частных фирм, а значит, и вашей фирмы «Радар».

Директор пробежал глазами письмо и вновь уставился на мои расстегнутые пуговицы на халате. Судя по всему, это занимало его намного больше, чем письмо Минздрава.

– Видно, я совсем от жизни отстал, запарился на работе. – На лысине генерального директора показались первые капельки пота. – Что от меня требуется?

– Лично от вас – желание сделать прививку против холеры.

– А что, в Москве уже холера разгуливает?

– Пока таких сведений нет, но если Минздрав потребовал в срочном порядке провести вакцинацию, значит, какие-то предпосылки имеются. Знаете, мы, медики, люди подневольные. Нам приказали, мы делаем. Конечно, если вы не желаете, чтобы в вашей фирме была проведена вакцинация, можете отказаться. Сами знаете, насильно такие дела не делаются. Но в этом случае вы должны написать бумагу о том, что не нуждаетесь в прививке. И тогда, боюсь, у вас могут быть проблемы. Сами знаете, у нас к частным фирмам предвзятое отношение, а тут явное пренебрежение к требованиям авторитетного органа. Мне даже не хочется говорить о возможных последствиях. Второй раз мы к вам не приедем, в отличие от вас мы государственные служащие. Нашу работу государство оплачивает.

– Да что вы на меня накинудись! – Лысеющий директор еще больше вспотел. – Я ничего против Минздрава не имею.

– Значит, вы с нашим государством дружите? – спросила я довольно игриво и захлопала своими пушистыми ресницами.

– Конечно, дружу, – от души рассмеялся директор. – Я человек мирный, спокойный. Я и с Минздравом дружу, и с государством, и с такими очаровательными медсестрами, как вы.

– Не медсестрами, а медсестрой, – кокетливо поправила я. – Вы говорите обо мне во множественном числе. Таких красивых женщин, как я, в нашей медицине совсем немного.

– Завидую вашему врачу. – Директор с неудовольствием посмотрел на Петра и снова перевел взгляд на меня. – Знаете, ради такой женщины, как вы, я бы свою частную фирму бросил к чертовой матери. Я бы в медицину с головой ушел и на одной «скорой помощи» вместе с вами бы ездил... Как зовут такую красавицу?

– Сусанна.

– Сусанна?!

– Ну да. А вы что, никогда не слышали такого имени?

– Слышал. Редкое имя.

– А я вообще женщина редкая. В единственном экземпляре. Общение со мной запоминается на всю жизнь.

– О, я заинтригован! А после проведения этой вакцинации, может, пообедаем где-нибудь?

– Пообедаем вряд ли, мне еще четыре фирмы нужно объехать. А вот от ужина я бы не отказалась. Приятно провести вечер в обществе такого интересного, умного мужчины.

Директор важно облокотился на спинку кресла и покраснелся, как нашкодивший ученик.

– Сусанночка, так что, телефончик оставите? – Он искоса посмотрел на Петра, присутствие которого явно смущало его, но эмоции при виде красивой женщины брали верх.

– Оставляю, почему же не оставить! – Я кокетливо опустила глаза. – Оставляю после вакцинации. Можно приступать?

– Можно, только у нас сейчас в офисе народу раз-два и обчелся. Все на обеде. Народ соберется через сорок минут, а пока можно кофейку попить, побеседовать... Правда, я и секретаршу на обед отпустил, но это ничего, для такой женщины, как вы, Сусанночка, я собственноручно кофе сварю, а когда понадобится, и в постель принесу. – Директор довольно противно рассмеялся и, достав носовой платок, промокнул свою потную лысину.

– Ну уж вы прямо сразу про постель... – Я провела пальцем по своей роскошной груди и уже в который раз поправила непослушный белоснежный локон.

– Не сразу, а постепенно, – загадочно добавил директор.

– Ох уж эти мужчины... Ну да ладно, не будем терять время. Мне нужен список сотрудников вашего офиса, а вы вряд ли можете его предоставить, ведь секретарша обедает. Мы можем производить вакцинацию прямо у вас в кабинете?

– Для вас все, что угодно.

– Хорошо. Тогда пусть сотрудники заходят и называют свои фамилии, а когда секретарша вернется, она даст нам список всех штатных сотрудников. Мы никого не должны пропустить. Те, кто не вышел на работу, могут сделать прививку в районной поликлинике. Но с этим не нужно тянуть. Распоряжение Минздрава, сами понимаете...

– Простите, а я вам не представился. – Директор просто пожирал меня своими масляными глазками.

– Точно, вы так и не сказали, как вас зовут.

– Дмитрий Петрович, но для вас просто Дима.

– Хорошо, Дима. С вас и начнем. Скажите, чтобы все, кто не пошел на обед, зашли к вам в кабинет. Пока сделаем прививки тем, кто остался. Сколько сотрудников сейчас на месте?

– Не знаю. Сейчас охранника позову.

Огромного детину, именуемого охранником, директор встретил с самым строгим выражением лица, на которое только был способен.

– Сергей, кто у нас не пошел на обед? – спросил он серьезным голосом.

– Дина из бухгалтерии, и все. Говорит, аппетита нет.

– Вот с нее и начнем. А ну-ка позови ее сюда.

– А куда колоть-то будете? – Перепуганная Дина посмотрела на меня с опаской.

– Руку приготовьте, пожалуйста, и не бойтесь, это совсем не больно. Назовите свою фамилию.

– Тихомирова.

Когда охранник и женщина ушли, пришел черед директора. Я наполнила шприц и обворожительно улыбнулась.

– Вы уже большой мальчик и не должны бояться уколов.

– От рук такой очаровательной медсестры я принял бы даже смерть, – громко рассмеялся директор, закатывая рукав.

– Ну, о смерти вам еще рано думать. Не бойтесь, у меня рука легкая. И вообще, я приношу удачу.

Убрав шприц, я села и слегка провела языком по покрашенным губам.

– Подождем остальных. А где они у вас обедают?

– Да тут, рядом. В соседнем кафе.

– А вы, значит, без обеда?

– Да я только приехал. Меня дома накормили.

– И чем вас вкусненьким жена балует?

Директор опустил глаза и смущенно спросил:

– А откуда вы знаете, что я женат?

– Я это определила сразу. У меня глаз – алмаз. Уж больно вы ухоженный. Да и где вы видели холостого директора?! Их женят на себе задолго до того, как они становятся директорами. Если бы мы все знали, на какую лошадку нужно ставить, уже давно были бы замужем за директорами.

– А вы, значит, женщина холостая?

– Холостая. Только женщин называют одинокими. Это мужчина может быть холостым, а женщина – одинокой.

– Невероятно! Такая красивая женщина – и одинока! Обычно такие женщины нарасхват.

– А вот и нет. Мужчины боятся красивых женщин и стараются обходить их стороной. Но к вам это не относится. Судя по всему, вы очень смелый. Я бы за таким и в огонь, и в воду, черту бы рога свернула!

Дмитрий густо покраснел, видно, давно не слышал в свой адрес таких комплиментов. Зазвонил телефон, но он не снял трубку.

– Сусанночка, а вы в какой больнице работаете? Завтра же туда лягу.

Было видно, что он отчаянно борется с зевотой.

– Для того чтобы лечь в больницу, нужно заболеть, – усмехнулась я.

– Сделаем в лучшем виде. Вы только скажите какой болезнью. Какой скажете, такой и заболеем. – Дмитрий протяжно зевнул.

Телефон зазвонил снова, и на этот раз директор снял трубку... Сказав несколько незначительных фраз, пробурчал: «Простите», – громко зевнул и уронил голову на стол. Через несколько секунд я громко спросила:

– Дима, вам плохо?! Дима, что с вами?!

Петр встал, приподнял его голову за подбородок и тихо сказал:

– Клиент готов.

– Кобель хренов! Все вы халявный секс любите! – зло пробормотала я и обернулась к Петру: – Пойди других проверь.

– Те двое тоже спят. У нас времени в обрез, – через минуту слышался за моей спиной возбужденный голос Петра.

– Ты уверен, что охранник спит?!

– Все вырубились.

Петр достал из кармана директора связку ключей, быстро нашел ключ от сейфа, распахнул дверцу и громко присвистнул:

– Смотри-ка, Светка оказалась права. Денег немерено. Видно, он вчера от всего товара избавился, так что тут вся наличность...

Петр принялся складывать пачки долларов в мешок.

Опустошив сейф, он быстро его закрыл и небрежно кинул связку ключей на стол.

– Ну что, делаем ноги?!

Я кивнула. Дойдя до спящего охранника, мы посмотрели на экран работающего монитора и застыли на месте. У входной двери стояли две женщины и упорно нажимали на звонок.

– С обеда вернулись. – Я мельком взглянула на часы.

За время работы с Петром я научилась читать его мысли, предугадывать его действия и сразу поняла, что он собирается достать пистолет.

– Не смей! Так выйдем!

– Почему Светка не смогла их задержать?!

– Потому что мы сбились с графика. Были в офисе больше положенного. Говорю тебе, не доставай пистолет, так выйдем.

– Как так?!

– Молча.

– Ты что подумала-то, дура?! Я стрелять не собираюсь, только припугну.

– Мы тут с тобой договоримся до того, что все сотрудники соберутся.

Петр буквально побагровел от злости.

– Сделай лицо поприветливей, а то всех распугаешь, – процедила я сквозь зубы и открыла входную дверь.

Две совершенно растерянные женщины смотрели на нас ничего не понимающими глазами.

– Здравствуйте, – широко улыбнулась я и вышла из здания. – Проходите, пожалуйста.

– А мы звоним, звоним, никто не открывает, – перепуганно сказала одна. – Думаем, не случилось ли чего. Тут недалеко «скорая» стоит...

– Директору вашему плохо было, – пробурчал Петр и, опередив меня, напрямик направился к машине, стараясь держать объемистый черный пакет перед собой.

– А что с директором-то?

– Сердце.

– Сердце?! Но ведь он еще молодой...

– Наверно, в казино вчера проиграл, – сделала заключение вторая женщина. – Он как в казино проиграется, так всегда «скорую» вызывает. Это с ним уже не в первый раз. В прошлом году так проигрался, что пару недель в больнице лежал с острой сердечной недостаточностью. Что за человек... Проигрывает и так сильно переживает, а все равно играть ходит.

– Судя по всему, он вчера выпил хорошенько, – соврала я и направилась следом за Петром.

– А как он сейчас себя чувствует? – слышалось за моей спиной, когда я подошла к «скорой помощи».

– Сейчас он спит! – крикнула я и села в машину.

Женщины долго смотрели нам вслед и о чем-то бурно разговаривали между собой. Проехав несколько дворов, Слава свернул в полутемную подворотню, вытащил из-под водительского кресла новые номера и в считанные секунды заменил старые. Только после этого мы выехали на проспект и включили сигнал и мигалку, громко требуя немедленно освободить «скорой» дорогу.

Петр и я молчали. Мы всегда молчали, когда ехали, уже сделав свое дело. Мы даже не смотрели друг на друга. Мы приходили в себя.

Глава 3

Ближе к вечеру мы сидели в небольшом частном ресторанчике и ждали Стаса. На мне уже не было белого парика с локонами. Стрижка каре, свои волосы, выкрашенные в мой любимый цвет под названием «Красная жара».

Да и глаза мои уже не были василькового цвета. Они были зеленые. Именно с такими глазами я и родилась. Мои кареглазые родители отнеслись к этому довольно спокойно, думая, что с возрастом цвет поменяется и будет таким, как у них. Когда я совсем выросла, мама повела плечами и задумчиво произнесла: «И в кого ты такая? У нас в родне никого с зелеными глазами нет. Знаешь, у кого глаза зеленые? У беды. Недаром в песне поется, что у беды глаза зеленые... Ой, чувствует мое сердце, доченька, что будешь ты для кого-то бедой... Настоящей, пожизненной бедой... Мужики боятся зеленых глаз».

Я сидела рядом со Славкой, закинув ногу на ногу, обнажив стройное колено, на которое то и дело посматривал Петр.

Справа сидела моя подруга и напарница Светка. Она устроилась в фирму «Радар» около двух месяцев назад личным секретарем сластолюбивого Дмитрия Петровича. Он едва успел объявить о вакантном месте, как появилась Светка, сразившая его наповал не своим резюме, а длинными ногами и пышной грудью размера эдак пятого. Светкина грудь всегда срабатывала безотказно. Это было ее резюме, ее визитная карточка в самых различных сферах деятельности. «Хочу побаловать свою ненаглядную кормилицу», – говорила Светка, выбирая какой-нибудь ультрамодный лифчик.

В силу своей природной хитрости и светлого ума секретарша обладала намного большей информацией, чем другие сотрудники, что для нас было очень важно.

Как я уже сказала, Светка сидела рядом со мной и лениво потягивала свой любимый алкогольный коктейль с необычным названием «Секс на пляже».

Наше молчание нарушил Михалыч, совладелец этого частного ресторана, правая рука Стаса, его доверенное лицо:

– Привет, ребята, что такие грустные? Сработали отлично. Поздравляю. – Он открыл портфель и достал четыре конверта. – Это я, Дед Мороз, вам подарочки принес. – Михалыч громко засмеялся и стал торжественно вручать «подарки». – Этот конверт Лере. Этот Свете. Так, с дамами покончено. Этот Славе, а этот Петру. – Он снова рассмеялся. – Ну все, ребята, желаю хорошо отдохнуть.

Мы убрали свои конверты, не заглядывая вовнутрь. Деньги за работу мы получали сразу после выполненного задания и никогда не говорили друг с другом о том, кто и сколько получил. Сумма обговаривалась непосредственно перед делом наедине с Михалычем.

Засунув в рот бутерброд с икрой, Петр обвел нашу компанию взглядом и сказал:

– Давайте разберемся, из-за чего сегодня был прокол.

– А что, разве у нас сегодня был прокол? – Я сделала глоток ароматного кофе.

– Был.

– Надо же, а я и не заметила, – усмехнулась я.

– А ты вообще дальше собственного носа ничего не видишь.

– Я тебе еще не грубила...

– Я тоже. Я говорю по существу. – Петр позвал официанта и заказал свой любимый коньяк.

– Петька, тебя всегда что-нибудь не устраивает, – рассердилась Светка. – В прошлый раз, когда мы фирму, занимающуюся оптовой торговлей сигаретами, брали, ты тоже был недоволен. Видишь ли, Лерка долго на проходной объяснялась! Ну если ты такой умный, что ж ты сам на этой проходной побыстренькому не объяснился?!

– В этот раз прокол произошел из-за тебя, Светка, – ледяным голосом сказал Петр и, налив коньяку себе и Славке, выпил бокал до дна.

– Как это из-за меня? Я-то при чем?!

– Ты должна была как можно дольше удерживать сотрудников офиса в кафе.

– Я это и делала.

– Хреново делала.

– Хреново?!

– Хреново. Почему две сотрудницы раньше конца перерыва вернулись?! Они нам с Леркой чуть было всю малину не испортили.

– А почему вы дольше положенного времени в офисе копались? – вскипела Светка.

– Мы могли еще дольше копать. Мы свою работу выполняли, а ты должна была выполнять свою.

– А я ее и выполняла. Попробуй, удержи десять человек! Я уж и так, как могла, время тянула. Анекдоты рассказывала так, чтобы три стола хохотали... Я что, по-твоему, должна была у входа лечь и дорогу перегородить?!

– Ну что ты все в штыки принимаешь?! Я просто указываю на твои ошибки.

– А вот и не надо указывать на мои ошибки! Ты лучше их у себя ищи. Я ошибок вообще никогда не делаю, потому что каждое свое действие тщательно обдумываю. Если эти две сотрудницы уже все съели и моих анекдотов выше крыши наслушались... Если они сказали, что порядком устали от моей болтовни... Что я, по-твоему, должна была делать?!

– Могла бы поговорить о чем-то серьезном, возвышенном. Может быть, им это намного интереснее было.

– О каком возвышенном?! – еще больше раскипятилась Светка. – Кому твое возвышенное нужно! В обеденный перерыв люди отдыхают и ни о чем серьезном вообще не думают!

– Все равно, Светка, ты должна признавать ошибку, – продолжал наседать Петр. – Элементарного задания толком не выполнила.

– Петь, тебе что, больше придраться не к чему?! – заступилась я за Светку. – Ты бы лучше за собой последил. От тебя толку как от козла молока. Стоишь, молчишь как остолоп, и все.

– Я ситуацию контролирую. Ведь если придется идти на крайние меры, мне пистолет в ход пускать, мне грех на душу брать! А ты только задницей вилять умеешь!

– Я задницей не виляю, – отрезала я. – Мне надо было нейтрализовать директора.

– Ну да! Можно было с этим директором объясниться покороче. «Я женщина редкая. Как жаль, что все окружающие меня мужчины женаты...» – передразнил меня Петр.

Нашу ссору прервало появление официанта. Он откупорил бутылку шампанского, разлил его по бокалам, а потом подал аппетитную утку, запеченную с яблоками. Слава встал и поднял бокал.

– Ребята, я не понимаю, чего вы ругаетесь? Ведь мы слаженный коллектив, каждый играет свою роль, и все мы зависим друг от друга. Без таких замечательных девушек, как Лера и Света, ничего бы не вышло. Они обезоруживают мужчин, заставляют их терять бдительность. Воистину, главное оружие женщины – ее внешность. Перед такой внешностью, как у наших девчонок, любой мужик становится беззащитным и бесконтрольным. Мы с Петром стараемся обеспечить вам, девушки, надежный тыл, безопасность. Ради вашей защиты мы готовы и жизнь человеческую порешить. Вот я и хочу выпить за всех нас, за то, что мы друг друга нашли... Пусть мы изгои, пусть, а мы и не хотим принадлежать к обществу с его правилами. Ведь когда-то мы очень даже старались жить по его законам. Но для всех нас наступил момент, когда мы поняли, что государству на нас наплевать, что оно обманывает нас так, как не обманет ни один, даже самый классный мошенник. С государственными мошенниками никто не борется. Получается, что все, что они делают, они делают по закону. Сейчас умеют делать деньги только те, кто умеет воровать. Не своруешь – не проживешь. Вот Лера работала медицинской сестрой. Лер,

сколько ты зарабатывала?

Я покраснела, потому что всегда любила свою работу, но стыдилась своей зарплаты.

– У Лерки на руках была крохотная дочь...

Я недовольно дернула плечом – мне было тяжело, когда о ней говорили, ведь она жила у моей мамы, и я очень скучала.

– Так вот, у Леры была крохотная дочь, – продолжал Слава.

– Почему была? И не крохотная она, во второй класс пошла.

– Я не говорил о твоей дочери в прошедшем времени, я просто сказал, что при такой нищенской зарплате ты еще ребенка содержала. Ты пособие на ребенка получала?

– Да какое пособие?! Там люди месяцами денег ждут...

– И мужа у тебя не было.

– Мужа не было, – развела я руками. – Муж – дело непостоянное. Не всем суждено жить с мужьями, некоторым приходится барахтаться в одиночку. Слава, я не пойму, к чему ты клонишь? Ищешь оправдание тому, что я делаю?! Мне никаких оправданий не нужно.

– Нет. Я просто говорю тост.

– Какой-то тост у тебя странный...

Слава не собирался останавливаться.

– Так вот, Лера была медсестрой... – Он отвел от меня взгляд и посмотрел на Светку.

– Сейчас мне начнет кости перемывать, – пробурчала Светка и опустила глаза.

– А Светка у нас интернатская. Этим все сказано. Пришло время, и ее просто выставили на улицу. Без денег, без крыши над головой. Свет, что тебе сказали, когда ты выходила с вещичками из интерната?

– Счастливого пути. – Светка грустно улыбнулась, а на ее глазах показались слезинки. – Интернатская – это клеймо на всю жизнь. Значит, родители твои алкоголики и у тебя ужасная наследственность. Я же не могу всем рассказывать, что мои родители были прекрасными людьми, занимались наукой и разбились в тот день, когда мне исполнился ровно год. Мама, папа, бабушка и дедушка... Пьяный водитель «КамАЗа» врезался в нашу машину и убил всех... Всех, кто у меня был.

– В интернате учат – страна у нас большая, места всем хватит, рабочие руки всегда нужны... Вышла Светка оттуда и не знала, куда податься.

Слава перевел взгляд на Петра.

– Про меня не нужно, – резко произнес Петр и отвернулся.

– А ты у нас что, особенный? Дай человеку тост сказать, – вмешалась Светка.

– Петр у нас родился и вырос в Грозном. Женился, ребенка завел. Жил себе, жил и даже не подозревал, что живет на чужой территории. Долгие годы дружил с соседями, чеченами, встречали праздники вместе, вместе сидели за одним столом, фактически жили одной жизнью. Но началась война. Все рухнуло. Чеченцы и русские стали ненавидеть друг друга и считать друг друга врагами. Кому-то было выгодно поссорить два народа. Жена и ребенок погибли сразу, как только началась война. Мать погибла чуть позже, и это было совсем уж страшно. Мать погибла от рук русского солдата... Он убил ее случайно, по неосторожности... Петр бросился на этого солдата, отобрал у него оружие и вдруг увидел совершенно детские глаза, полные отчаяния. Петр не смог убить этого пацана, так как понимал, что тот вряд ли будет долго жить, потому что в этой войне редко кто остается в живых. Вскоре погиб и отец Петра. Оставшись один, Петр пошел воевать сам. А когда его ранило и он чудом выжил, он приехал в Москву к родной тете, но скоро понял, что никому не нужен... Его лишили всего... Никто не просил у него извинения, извини, мол, брат. Так получилось.

Война, сам понимаешь...

Слава надолго замолчал, а потом безнадежно махнул рукой:

– А про меня и говорить не стоит. Со мной все ясно.

– Нет уж, говори, – тихо сказала Светка.

– А чего тут говорить... Бывший военный, а это все равно что бывший нищий. По три месяца задерживали мизерную зарплату. Жена варила различные каши. Вместо сливочного масла – маргарин. Мясное по большим праздникам. Для сына редчайшим лакомством было яблоко. А затем он заболел. У нас не было денег и на лекарства... Жена взяла больного ребенка и ушла к своему бывшему однокласснику... Он был директором коммерческой фирмы. Странно. В школе – двоечник, самый тупой из ребят, а тут... В общем, сына спасли, а жене понравилась жизнь на широкую ногу. Вскоре она запретила мне встречаться с сыном, а потом потребовала отказную на ребенка. Ее новый муж захотел его усыновить. Я не согласился. И тут она припомнила мне все: что в школе я был отличником, что в военном училище получил красный диплом, а в результате держал семью на каше с маргарином. Она кричала, что я никогда не женюсь, потому что ни одна дура не захочет жить в казенной квартире, перебиваясь от пайка до пайка. Что мой ребенок стыдится собственного отца. Что ее нынешний супруг дал им все. Я не выдержал и сказал, что он спекулянт, потому что ничего не производит, ничего не создает. Он просто покупает подешевле, а продает подороже. Я сказал, что наша армия обязательно встанет с колен, что наше государство одумается, поймет, что нельзя экономить на том, кто защищает нашу Родину, потому что может наступить момент, когда он продаст эту Родину, устав голодать... Когда я сказал, что уверен – придет время и все будут жить достойно, она швырнула в меня табуреткой и назвала ублюдком. «Лучше жить с вором и спекулянтом, чем с нищим защитником отечества!» – кричала она и требовала отказаться от сына. Я этого не сделал. Не отказался от сына. Я отказался от тех принципов, с которыми жил долгие, долгие годы. Я ушел из армии. Поначалу было тяжело. Больно вырывать из себя мечту, отказаться от дела всей своей жизни. Мне очень нравилось то, чем я занимаюсь. Знаете, иногда мне снится военная форма. Я очень уважаю военных. За их огромное терпение. Они терпят, а я не смог... – Слава нервничал, но, откашлявшись, все же продолжил: – Так вот, я хочу выпить за то, что в этой жизни мы нашли друг друга. Пусть кто-то нас осудит, пусть мы действуем вопреки закону... Не судите, да не судимы будете. Спасибо вам всем, что вы есть. Я вас всех очень люблю и

всегда готов прийти вам на помощь. По первому зову... Давайте не будем ругаться. Наша работа рискованная, каждый наш вечер в ресторане может быть последним. Давайте выпьем за собственное благополучие, за благополучие родных и близких, у кого они еще остались. И конечно же, за удачу, потому что в нашем деле без нее никак не обойтись.

Мы все встали и, не говоря ни слова, выпили до самого дна.

Заиграла приятная, легкая музыка, шампанское приятно задурманило голову, и я откинулась на спинку кресла.

– Лер, давай я тебе кусочек утки положу, – заботливо предложил Петр.

– Я Стаса жду. Я с ним обещала поужинать.

– Смотри, а то с голоду помрешь. Уже даже Михалыч за стол сел со своими пацанами, Стаса твоего не дождался. Наверно, у него какие-то семейные дела... Лерка, мне кажется, тебе с ним встречаться вообще не в радость.

– А вот это не твое дело! – одернула я Петра. Но затем, чтобы сгладить острые углы, миролюбиво добавила: – Ну ладно. Давай, положи свою утку, а то я и вправду с голоду умру.

– Если бы, Лерка, ты была моей женщиной и хоть немного меня полюбила, я бы все для тебя сделал... Я бы тебе даже звезду с неба достал.

– Ага, только мне бы пришлось тебе лестницу подставлять...

Я весело подмигнула Светке.

– Лер, давай выпьем по коктейлю «Секс на пляже».

– По-моему, тебе больше не коктейль нравится, а название.

Светка рассмеялась и подозвала официанта. Пока готовили коктейль, она успела поболтать по мобильному телефону.

– За нас с тобой, подруга, – сказала она, чокаясь со мной. – За таких женщин, как мы. За нашу природную хитрость, за то, что мы при желании можем любого мужика вокруг пальца обвести. Знаешь, кто сейчас звонил?

– Кто?

– Сослуживица из «Радара». Я же с работы сразу после обеда отпросилась, сказала, что от переживаний у меня голова закружилась. Она хотела узнать, как я себя чувствую, вот и пришлось соврать, что температура поднялась и с завтрашнего дня больничный возьму.

– Что там на фирме-то?

– Да ничего особенного. Все проснулись, живы-здоровы. Директор больше всего переживал, вдруг в шприце, помимо снотворного, была еще какая-нибудь гадость. Успокоился только тогда, когда удостоверился, что снотворное не принесло никакого вреда его драгоценному здоровью.

– Да в шприце, кроме снотворного, ничего не было...

– Это мы с тобой знаем, а он откуда мог знать?! Он когда проснулся, сначала матерился на чем свет стоит, а когда узнал, что сейф обчистили, вырвал последние волосы на потной лысине.

– А в милицию он обратился?

– Я не спросила. Это вызвало бы подозрения. Вообще, по моим расчетам, он в милицию заявить не должен. Это же «черные» деньги, ни по каким документам они не проходили. Поди объясни их происхождение! У Дмитрия два выхода. Первый – заявить в милицию, но при этом назвать минимальную сумму, якобы лежавшую в сейфе. Так, кстати, делали многие, кого мы грабили. И второй выход – вообще смириться и молчать.

– И как, ты думаешь, он сделает?

– Думаю, что не заявит.

– Откуда такая уверенность?

– Я не сказала, что уверена. Слишком много он провернул различных махинаций. Он милиции как огня боится. Украденные деньги теневые, а следовательно, они черные, полученные благодаря точно таким же «левым» махинациям. Когда рыльце в пушку, лишние проблемы ни к чему. Уйдет с горя в очередной запой, зальет свою душевную рану дорогим коньяком.

Я сделала несколько глотков коктейля.

– А помнишь того старикана, который под видом торговли продуктами торговал наркотой?

– Здорово мы его тогда хлопнули. Такое не забывается. Петька такого большого мешка еще никогда в жизни не носил.

– Он никуда не заявил... А ведь там денег было черт-те сколько...

– Он же не дурак?! Менты бы сразу заинтересовались, что у него на складе в коробках с консервными банками под видом сайры хранится... Уж лучше потерять большие деньги, чем доходный бизнес, да при этом еще загреметь в тюрьму.

– Поздравляю всех с успешным завершением дела! – слышался за моей спиной голос Стаса.

Он положил мне на колени потрясающий букет орхидей и поцеловал меня в щеку.

– Солнышко, ты потрясающе выглядишь! Обмываете честно заработанные денежки?

Слава встал и предложил:

– Стас, выпей с нами коньячку за наш удачный трудовой день!

Выпив рюмку, Стас снова поцеловал меня и прошептал на ухо:

– Солнышко, я посижу пару минут за столом у Михалыча и вернусь. Пойду поздороваюсь.

Я кивнула и безразлично посмотрела вслед уходящему Стасу.

– Лучше бы он тебе кольцо подарил, чем эти цветы... Хотя, конечно, цветы очень приятно. Мне уже тысячу лет никто ни единого цветка не дарил.

– Уж что-что, а цветы Стас дарить умеет. С этим у него все в порядке.

Полупьяный Петр схватил меня за руку.

– Хреновый букет! – заявил он, злобно глядя на букет.

– Чем это он хреновый? Это же дикие орхидеи!

– Потому они и хреновые!

– Ну да, такие же, как ты...

– Он за счет твоего таланта такие деньжищи гребет, а дарит какой-то сраный букет.

– Сам ты... Не надейся, ты на его месте никогда не окажешься!

– А я и не надеюсь. Приличные любовники своих любовниц обеспечивают, а этот только пользуется тобой.

– Я женщина самостоятельная, меня обеспечивать не надо!

– Вот он твоей самостоятельностью и пользуется на полную катушку.

– Это еще неизвестно, кто кем пользуется!

Вот-вот могла разгореться очередная ссора, но подошел Стас.

– Ну ладно, ребята. – Я встала. – Исчезаю. Желаю вам повеселиться на славу. Мне будет вас не хватать.

– Тогда оставайся, – тут же съязвил Петр.

– Я сегодня устала и хочу поехать домой немного отдохнуть.

– Мы понимаем, – улыбнулся Славка и дружески чмокнул меня в щеку.

Мы со Стасом сели в машину, он, как всегда, положил руку на мое колено и приказал водителю ехать.

Глава 4

– Петр к тебе пристаёт? – В голосе Стаса слышались угрожающие нотки.

– С чего ты взял?

– Хочешь, я ему кишки вскрою, и он не подойдет к тебе на пушечный выстрел?

– Не хочу.

– Зря. Не нравится мне, как он к тебе относится.

– Что именно тебе не нравится?

– Мне кажется, он тебя ревнует.

– К кому?

– Ко мне, к кому же еще! Или у тебя еще кто-то есть?

– Нет у меня никого...

– Я Петра держу потому, что он мужик толковый, свое дело знает. Но то, что он на тебя как похотливый самец смотрит, я давно заметил. Если не прекратит, я ему в бубен всажу.

– Ой, Стас, прекрати, слушать тошно.

– Ну ладно, девочка моя, успокойся. Ты сегодня умница. Хорошо поработала.

– Стас, а ты меня и вправду любишь или тебе просто нравится, как я работаю? – Я лукаво посмотрела на Стаса и провела языком по нижней губе.

– Я тебя очень люблю, девочка моя. Ты даже не представляешь, как сильно я тебя люблю, а таланты мне твои тоже нравятся. Ты очень талантливая. Когда мужики тебя видят, сразу из штанов выскакивают. Я это с первой нашей встречи заметил.

– Стас, а ты любишь баловать свою девочку?

– Я ж тебе ни в чем не отказываю! Кров над головой дал, работой обеспечил. Конечно, работа у тебя опасная, но если что-то случится, я тебя из любой ментовской выкуплю. Главное ты знаешь – все отрицать, ничего не подписывать, ни с чем не соглашаться и ни в коем случае не «колоться».

– Ты знаешь, мне хочется машину поменять. Надоело на японце ездить.

– А какую ты хочешь?

– «Мерседес». Глазастый. Стас, ну что тебе стоит подарить любимой женщине глазастый «мерседес»?!

– Ох, Лерка, хитрая ты баба. Вертишь мной, как хочешь!

– Ты, наверно, не видел, как другие бабы мужиками крутят... Я по сравнению с ними – одуванчик.

– Ну хорошо, будет тебе на день рождения глазастый «мерседес». Так и быть, будет.

Я радостно захлопала в ладоши и поцеловала Стаса в макушку.

– Дите, – покачал он головой и посмотрел на меня взглядом, полным обожания. – Дите! Тебе бы в куклы играть, а не криминальными делами заниматься.

В эту ночь я была особенно нежна, страстна, потому что когда я закрывала глаза, думала не о Стасе, который надоед мне хуже горькой редьки, а о том, что совсем немного – и у меня будет глазастый «мерседес». Каких-то два месяца, и я обладательница «мерса»...

Стас уехал около двух часов ночи. Я помахала ему рукой и пожелала счастливой дороги. Уж я-то знала, что женатый мужчина всегда возвращается к законной жене. От этого никуда не денешься. Иногда я думала о том, что было бы, если бы Стас не был женат, и благодарила Господа Бога за то, что он женат. Его жена никогда не была для меня соперницей, она была моей палочкой-выручалочкой, той женщиной, уходя к которой он освобождал меня от своего присутствия.

Утром я позвонила матери и позвала к телефону дочку. Она верила, что ее мама работает в коммерческой фирме и старается заработать как можно больше денежек, чтобы ни она, ни ее бабушка ни в чем не нуждались. А еще, как только мама разбогатеет и купит себе квартиру побольше, она обязательно перевезет свою девочку и ее бабушку к себе, и мы будем жить дружно и счастливо. Поговорив по телефону, я достала конверт, пересчитала заработанные деньги. Что ж, неплохо, даже очень неплохо. Хотя... хотя могли бы заплатить и побольше...

Я сварила кофе и подошла к окну. Люди шли на работу. У соседнего дома рядом с машиной стояла супружеская пара. Женщина за что-то усиленно пилила мужа. Он хлопал глазами, растерянно пожимал плечами. А вот... вот вышла другая пара. Он главный врач нашей больницы. Идут держась за руки. Оно и понятно. Года не прошло, как умерла его жена, и он сразу же сошелся со своей сотрудницей. По всей вероятности, она раньше была его любовницей. Считает, что ей повезло... Ведь если бы его жена осталась жива, у нее бы не было никаких шансов. Никаких. Наверно, ему будет очень даже удобно с ней жить. У них общее дело, общие интересы. ...Говорят, что когда у тебя с человеком много

общего, ты чувствуешь себя с ним словно в домашних тапочках... Возможно, многим это нравится. Но только не мне. Я никогда не любила домашние тапочки. Я люблю высоченные каблуки и туфли с острыми носами. Именно в таких туфлях я чувствую себя комфортно. Мне всегда нравились отношения, когда нужно «смотреть под ноги». С ума сойти, ведь у меня вообще нет домашних тапочек!

Допив кофе, я поставила пустую кружку и продолжала смотреть в окно на проходящих людей и удивлялась. Сколько же в них терпимости. Именно терпимости, которой так долго учила меня моя мама, да, видимо, так и не научила. Даже когда я была рядом с мужчиной, я чувствовала себя одинокой волчицей, которая выбирает только свой путь, не считаясь ни с чужим мнением, ни с чужими желаниями. А ведь зачастую мне встречались неплохие мужчины, и все же всегда казалось, что они, образно говоря, были каменщиками, а я должна подавать им кирпичи. Это угнетало меня.

В последнее время я стала совсем другой. Я стала пожинать плоды того, чему училась многие годы общения с мужчинами. Я научилась улыбаться, делать вид, что у меня все хорошо. Улыбающаяся женщина поистине очаровательна, а очарование – мой главный козырь.

Мне всегда казалось, что мужчина и женщина, созданные друг для друга, не обязательно должны жить вместе. Счастливая семейная пара – это большая редкость. Теряя очередного мужчину, я никогда не ударялась во все тяжкие, а всегда искала в этом определенную логику. Я приучила себя к тому, что мужчины уходят... Они всегда уходят... Мужское постоянство – роскошь, которую начинаешь ценить тогда, когда ее теряешь... Если мужчина уходит, значит, так нужно и тебе обязательно встретится новый спутник, который подарит новые, незнакомые ранее ощущения...

Взяв со стола маленькое зеркало, я критически посмотрела на свое лицо и спросила себя, смогу ли я еще когда-нибудь влюбиться. Возможно, смогу, а возможно, и нет. Я влюблялась тысячу раз и каждую свою влюбленность принимала за большую, настоящую любовь. Но проходило время, и от моих влюбленностей не оставалось и следа. Все эти годы я пыталась узнать, из чего же сделан мужчина. А когда я узнала, начала подумывать о том, каким соусом его лучше полить и с чем его нужно есть. Я поняла, что мужчина сделан из щедрости, которая в равной степени граничит с жадностью. Он сделан из нежности, которая тесно переплетается с грубостью. Он сделан из преданности, которая сочетается с его изменами. Он сделан из ревности, которая окутана

безразличием... Но всегда, в любом общении с мужчиной я твердо знала одно – можно быть в объятиях мужчины, можно лежать у его ног, но никогда нельзя быть у него в руках...

Звонок в дверь заставил меня вздрогнуть. Возможно, это связано с тем, что в последнее время я немного устала, а может быть, возраст берет свое и у меня уже не такие крепкие нервы... А может, я просто скучаю по своей дочери и поэтому часто грущу. Но вполне возможно, дело в чем-то другом...

Звонок повторился. Я поправила растрепанные волосы и направилась к двери. На пороге стояла Дашка, моя соседка. Она работала в довольно престижном коммерческом банке, а жила этажом ниже меня. Неделю назад она заболела воспалением легких и приходила ко мне с просьбой, чтобы я делала ей уколы. Дашка выглядела усталой и чем-то обеспокоенной.

– А позвонить не могла?! Я бы сама к тебе пришла. Что ты с температурой по лестницам шарахаешься?

– Да я мерила, у меня сейчас нет температуры. Да ко мне двоюродный брат приперся ни свет ни заря. Изрядно подвыпивший. Сел на телефон, у него какие-то неприятности, не знаю, как он там...

– Ладно, беги к своему брату, сейчас оденусь и спущусь.

– Спасибо, Лерочка. Не знаю, что бы я без тебя делала.

Натянув джинсы и какую-то незамысловатую кофточку, я собрала волосы в хвост и спустилась на этаж ниже.

– Ой, Лерка, и как только ты на таких каблуках ходишь! – сказала она, глядя на мои домашние туфли на высоких каблуках.

– Нормально. Иногда мне кажется, что я в них и родилась.

– У меня бы уже ноги устали.

– А у меня они без каблуков устают.

Дашка наклонилась ко мне и прошептала:

– Лер, ты на моего подвыпившего родственника внимания не обращай, я его скоро выставлю, он уже вроде бы пришел в себя. А просто пьяные бредни я выслушивать не собираюсь.

Пройдя в комнату, я встала на пороге как вкопанная. Прямо передо мной сидел тот самый Дима, директор злосчастной фирмы «Радар», офис которого мы нагрели совсем недавно.

– Здравствуйте, – пробормотала я.

– Здравствуйте, – ответил мой знакомый.

Я остановилась и повернулась в другую сторону.

– Ну что, на кухню пойдем? – быстро повернулась я к Даше.

– Давай по чашечке кофе выпьем. Я такой кофе вкусный купила! Сейчас за три минуты сварю...

– Я тороплюсь...

– Три минуты роли не сыграют.

– Даш, я тороплюсь. Ты приготовься, а я пойду помою руки.

Даша растерянно развела руками:

– Лер, ты извини, ради Бога. Я тебя своему родственнику не представила. Он немного не в себе. У него большие финансовые неприятности. Это Дима. А это Лера.

– Очень приятно, – буркнула я и направилась в ванную.

Пустив струю холодной воды, я села на краешек ванны и посмотрела в зеркало на свое бледное лицо. Такого прокола я не ожидала... Как глупо! Если бы я знала, что такое может случиться... Если бы, да кабы... Знал бы, где упадешь, соломки бы подстелил... Ну все! Надо взять себя в руки. От той роковой Сусанны не осталось и следа. Ни ослепительно белых волос, ни васильковых глаз, которые так любят мужчины, ни глубокого выреза на медицинском халатике, из которого буквально вываливается аппетитная грудь. Зашла скромная девушка по имени Лера, одетая в простенькие джинсы и простенькую кофточку. И никаких вызывающих манер.

Попытавшись умыться холодной водой, я заметила, как сильно дрожат руки. Я просто обязана успокоиться, ведь мне еще укол Даше делать. Выпью-ка я кофе. В конце концов, меня никто не узнал, а даже если и узнают, нет никаких доказательств моего участия в преступлении.

В ванную заглянула Даша:

– Ты здесь не уснула? Хочешь не хочешь, а без кофе не выпущу. Что с тобой? Ты такая бледная...

– Нехорошо мне...

– Может, ты беременная?

– Беременная? От кого?

– Ну от своего любовника, от кого ж еще... Я, кстати, с ним недавно столкнулась в подъезде. По-моему, он ничего...

– А по-моему, он ужасен...

– И что тебя тогда держит?

– Он пообещал мне на день рождения подарить глазастый «мерседес».

Дашка захлопала своими длинными ресницами:

– Вот это да! Ради такого можно и попыхтеть. Мужики нынче жадные пошли. Чем богаче, тем жаднее... Я вот недавно с одним познакомилась, вроде приличный на вид, дорогая иномарка. Серьезный, рассуждает неплохо. Звонить стал чуть ли не каждый день. Звонит и по телефону меня не Дашей, а Дашенькой называет. Меня так только мама в детстве звала. А когда сказал, что холостой, так я вообще своему счастью не поверила. Так вот, он каждый день звонит и никуда не приглашает. Понимаешь, вообще никуда... И так с месяц. У меня еще такого никогда не было. Думаю, может, он стеснительный, а может, меня боится... Может, еще чего... Короче, я не выдержала и говорю, что нужно встретиться. Он обрадовался и сказал, что уже давно об этом мечтает, что сегодня вечером он с радостью приедет ко мне на ужин... Я как это услышала, так у меня аж перед глазами все поплыло. Я ему так прямо и заявила, что во время первого свидания девушку приглашают на ужин в ресторан или, на худой конец, в кафе. Я же не могу незнакомого человека сразу на квартиру к себе вести. После этого он ни разу не позвонил. Вот и пойми этих мужиков...

За спиной Даши появился Дмитрий, красный как вареный рак, он вытирал потную лысину.

– Что вы тут шепчетесь?

– А тебе что надо? – грозно спросила Даша.

– Тут кто-то про кофе говорил...

– Ну говорил!

– Я бы не отказался.

– Сейчас налью. Видишь, человеку плохо...

На кухне я села спиной к окну и старалась не встречаться с Дмитрием взглядом.

– Ребята, вы такого кофе еще никогда не пили, – нахваливала Даша свое творение. – Чтобы правильно варить, нужен талант. – Даша оторвала взгляд от кофеварки и посмотрела в мою сторону: – Ну ты как?

– Нормально. Просто голова немного закружилась.

– Если у женщины закружилась голова, сразу нужно обращаться к гинекологу. Лер, а если ты и вправду беременна, рожать будешь?

Даша поставила передо мной чашечку кофе и молитвенно сложила руки на груди.

– Я похожа на сумасшедшую?! У меня уже есть ребенок.

– У тебя есть ребенок?! А я и не знала. Кто? Девочка?

– Девочка. Она у мамы живет. Если я от всех своих любовников рожать буду, кто их кормить будет!

– Любовники и должны их кормить.

– Ага, они накормят! Они так накормят...

– Но ведь твой-то вроде приличный, на день рождения «мерседес» дарит. Когда узнает, что ты беременна, к рождению дочери красивый дом подарит. Мне кажется, что тут и сомневаться не стоит.

– Ага, целых три дома... Дашка, не носи ерунду, ей-богу.

– Простите, вам на день рождения любовник дарит «мерседес»? – От Диминого голоса я немного вздрогнула, но все же выдержала его взгляд.

– Обещает...

Он не отводил от меня глаз.

– Вы очень похожи на одну женщину... – Дмитрий прикрыл глаза и закурил сигарету.

– У меня типичная внешность... Вы не первый, кто говорит о том, что я похожа на его бывшую любовницу или жену.

– Та женщина, которую вы мне напоминаете, не похожа ни на мою жену, ни на мою любовницу... Я знаю точно, что мы с вами знакомы. Просто не могу вспомнить.

– Я же сказала, что у меня типичная славянская внешность...

– Ваша внешность далеко не типичная... Она у вас редкая...

Почувствовав, что от последней фразы мне стало совсем плохо, я сделала несколько глотков кофе и перевела дыхание.

– Возможно, я вам кого-то напоминаю... Но поверьте, лично я вас вижу в первый раз.

– Дим, ты что к человеку пристал? – вмешалась Даша. – Ехал бы домой. Я вообще не понимаю, чего ты ко мне приперся. Поезжай к жене и плачься ей в жилетку.

Я отодвинула чашку и посмотрела на часы:

– Даш, ты уж извини, но у меня времени в обрез. Сегодня как назло столько работы...

– Хоть кофе допей! Или не понравился?

– Понравился. Кстати, скажешь где, я тоже себе куплю. Вкус – закачаешься.

– Простите, а где вы работаете? – напомнил о своем существовании Дима.

– Я работаю в коммерческой структуре, – с полнейшей невозмутимостью в голосе ответила я.

– А чем занимается ваша фирма?

– Тем же, чем и большинство других фирм. Мы ничего не производим. Что-то покупаем подешевле и это что-то продаем подороже.

– И как, бизнес доходный?

– На жизнь хватает...

– А вы там, простите, кем работаете?

– Ну вот опять! Ты же видишь, человек плохо себя чувствует! – попыталась остановить его расспросы Даша.

– А я и ничего такого не делаю, просто хочу узнать, где работает твоя подруга.

– Я работаю с регионами, то есть отвечаю за поставки.

– И как?

– Что – как?

– Справляетесь?

– Стараюсь. На работе меня ценят.

– А уколы?

– Что – уколы?

– Уколы вы делаете в свободное от работы время?

– Уколы я делаю тогда, когда меня об этом попросят. Даш, у меня действительно времени в обрез. – Я уже в который раз посмотрела на часы.

– Ой, извини. Это все Димка. Лезет со всякой ерундой. Если у самого настроение испорчено, хочет его испортить окружающим.

Даша встала, указала Диме на дверь и произнесла командирским голосом:

– Свободен! Мне сейчас будут укол делать... Или хочешь на мою задницу посмотреть?!

– Больно мне нужна твоя задница... Есть и посимпатичнее...

– Освободи помещение! Не мозоль глаза! – прикрикнула Даша.

– Я же еще кофе не допил...

Судя по всему, неудачливый директор «Радара» не собирался уходить.

– Тогда бери чашку и дергай в комнату.

– А ты что так со мной разговариваешь?

– Я в своем доме! Разговариваю как хочу.

– Посмотрю я, как ты заговоришь, когда тебе деньги понадобятся. Тогда ты так мило ворковать начинаешь. «Димочка, родненький, подкинь бедной родственнице немного денежек. Ну хотя бы самую малость... Я одни сережки приглядела... Они бы мне так пошли...»

Дмитрий встал, взял свою чашку и вышел из кухни, громко хлопнув дверью.

– Чудной он у тебя! – Я подошла к умывальнику и еще раз тщательно вымыла руки.

– Просто пьяный и уставший. А так он неплохой мужик, толковый, деньги хорошие зарабатывает. Жена у него красавица. Вернее, до того, как они с Димкой сошлись, она красавицей не была. А как вместе жить стали, так она красоту и купила.

– Как это – купила?

– Элементарно. Сейчас все можно купить, были бы деньги. Она вся перекроилась. Нос укоротила, скулы подточила. Жир на ляжках убрала, живот сделала плоским. А грудь, которая была похожа на уши спаниеля, сделала, как у порнозвезды. Глаз не оторвешь.

– Не представляю, как можно по доброй воле ложиться под нож хирурга.

– Если бы у тебя были такие деньги, как у нее, ты бы быстро представила.

Делая укол, я почувствовала, что Даша вся напряглась.

– Тебе было больно? – спросила я.

– Терпимо, – вздохнула соседка. – Просто у тебя сегодня рука почему-то тяжелая... Обычно я вообще ничего не ощущаю.

– Говорят, сегодня магнитные бури. Наверно, поэтому мне так паршиво. Ладно, в следующий раз я обещаю исправиться. Сколько тебе еще уколов осталось?

– Еще неделю. Лер, мне перед тобой так неловко...

– Это ты о чем?

– Да о родственнике моем. Прицепился к тебе с расспросами... Позвоню жене, пусть она ему хорошенько выдаст.

– Он что, жену боится?

– Бояться не боится, но прислушивается. Ты не сердись, на дураков ведь не обижаются, а на пьяных – тем более.

Выйдя из кухни, мы увидели, что Дмитрий, опершись о стену, стоит в коридоре. Он пристально посмотрел на меня и глухо проговорил:

– Ну и как все прошло?

– Все как всегда. – Я улыбнулась, стараясь не встречаться с Дмитрием взглядом.

– А как всегда?

– А всегда все просто замечательно.

– Мне кажется, я уже имел честь в этом убедиться.

– Вы?!

– Я.

– А мне кажется, что вы не совсем здоровы. Даже если бы вы предложили мне большие деньги, я бы никогда не согласилась сделать вам укол. Не люблю невоспитанных людей.

– А тебе и предлагать ничего не надо. Ты сама все возьмешь.

Я буквально окаменела, но быстро взяла себя в руки.

– Что вы себе позволяете?! Я с вами на «ты» еще не переходила.

– А мне показалось, что нам ни к чему общаться на «вы»... Мы неплохо друг друга знаем. Я узнал тебя, Сусанна. Только не сразу...

– Какая я тебе Сусанна?! – крикнула я и направилась к двери. – Иди пропись, придурок недоделанный.

Дашка бросилась следом за мной.

– Димка, ты что себе позволяешь?! – вопила она. – Человек мне добро делает, а ты к нему задницей поворачиваешься! Да если бы не Лерка, мне бы пришлось в поликлинику бегать, как савраске. А ты хоть знаешь, как в поликлинике уколы делают?! Тебе там так сделают, что ползадницы сгниет!

Дашкин родственник шагнул в мою сторону. Не знаю, откуда взялись у меня силы, но я оттолкнула его и процедила сквозь зубы:

– Если я Сусанна, то ты Вольдемар! Отойди, не дыши перегаром!

Влетев в свою квартиру, я закрылась на все замки.

Глава 5

Я долго стояла, прислонившись спиной к двери, ни жива ни мертва, прислушиваясь к каждому шороху. За дверью было тихо. Наконец я вошла в комнату.

– Привет, – сказала я маленькой девочке по имени Валерия, которая смотрела на меня со старой фотографии. – Кажется, я прокололась. А может быть, не стоит делать поспешных выводов? Если бы он был уверен, что именно я приходила к нему в офис, он бы не выпустил меня из квартиры. А может, он дал мне уйти для того, чтобы вызвать милицию?

Я посмотрела на телефон и подумала, что нужно позвонить Стасу, но потом решила подождать... Может, все обойдется и Дмитрий поймет, что ошибся.

Я села на подоконник и постаралась успокоиться. Я никогда без особой надобности не поднимала на ноги людей, способных оказать мне помощь. И никогда ни с кем не делилась своими проблемами, потому что была уверена – живущие праведным образом не могут понять противоречивый мир женщины, загнанной в угол. Они другие, они совсем не такие, как я.

Даже не помню, как я ступила на стезю преступности. Это получилось как-то само собой. Еще в школьные годы я поражала окружающих своим твердым характером, желанием получить от жизни чего-то большего, намного большего, чем она могла мне дать. Учителя называли меня несущимся поездом и знали, что доказать мне, что черное, а что белое, равносильно попытке остановить этот самый несущийся поезд. Сколько помню себя, всю свою сознательную жизнь я мечтала заработать много денег. Я представляла себя актрисой, манекенщицей,

ведущей популярной программы, но жизнь имела на этот счет свои планы и распорядилась так, что я стала тем, кем стала. Родив дочку, я не нашла поддержки ни у знакомых, ни у родственников. Все обвиняли меня в легкомыслии, девочку называли безотцовщиной. И только мама понимала меня. Приехав в Москву, я мечтала зажить по-человечески, но Москва не любит иногородних и подвергает их тяжелым испытаниям. Я никак не могла поймать удачу, а так хотелось хорошо одеваться, иметь украшения! И мне пришлось окунуться в жестокий мир мужчин... Окунуться и занять устойчивую позицию в этом мире.

Ни один из моих мужчин не знал меня до конца. Все они принимали придуманные мною правила и с удовольствием следовали им. Сейчас меня вполне устраивает Стас. Он имеет деньги, влияние, давно женат... Женатый мужчина не претендует на твою свободу.

Зазвонил телефон. Это была мама.

– Что-нибудь случилось? – испуганным голосом спросила я, подумав о дочери.

– Нет. Просто мне хотелось спросить: у тебя все в порядке?

– Да. Я же тебе утром звонила.

– Просто, доченька, мне как-то нехорошо на душе.

– Почему?

– Какое-то предчувствие... Лучше бы ты от меня никуда не уезжала. Жили бы все вместе...

– Мам, ну что ты такое говоришь?! На что бы мы жили вместе?! Если бы я не уехала, мы бы с голоду сдохли, а нам как-никак ребенка поднимать нужно.

– Живут же вокруг люди и с голоду не сдыхают. Да и детей они поднимают.

– Я так жить не хочу. Я хочу жить нормально, по-человечески. Денег накопить, тебя с дочкой к себе перевезти. Я очень стараюсь, мама. Если бы ты только

знала, как я стараюсь!

В трубке послышался всхлип, я почувствовала, как защемило мое сердце, и закрыла глаза.

– Мам, ну ты что, ей-богу?! Я вот с делами разберусь, отпрошусь с работы и приеду.

Чем сильнее всхлипывала мать, тем больше мои глаза наливались влагой.

– Ну что случилось-то?! Мне кажется, ты чего-то недоговариваешь.

– Все хорошо, доченька. Все хорошо. Ты не обращай на меня внимания. Я за тебя переживаю. У меня за тебя душа болит. А за нас ты не тревожься. У нас все в порядке.

– Тогда почему ты плачешь?

– Да это я так... Я ведь даже не знаю, где ты работаешь, какая у тебя профессия?

Я судорожно вздохнула.

– Да я тысячу раз говорила, что работаю в коммерческой фирме, неплохие деньги зарабатываю. Я тебе даже телефон фирмы оставляла.

– Да номер телефона, который ты оставила, всегда занят. Никак не дозвонишься, – жаловалась мать.

– Оно и понятно. Фирма большая, клиентов много. А если телефон будет молчать, как мы тогда будем деньги делать?!

Мать помолчала, а потом нерешительно произнесла:

– Доченька, а ведь этот номер и ночью занят... По нему вообще бесполезно звонить.

Я закусила губу. Господи, и зачем только я дала ей этот несуществующий номер! Но ведь она так хотела хоть что-то знать о своей дочери. Постоянно спрашивала меня, как я зарабатываю деньги, откуда у меня дорогие вещи, на что покупаю им дорогие подарки. Словно сердце подсказывало ей, что дочь постоянно подвергается опасности.

– Мам, а зачем ты ночью мне на работу звонила?

– Днем ведь не дозвонишься, и я просто хотела проверить, свободен ли номер ночью.

– А зачем тебе вообще этот номер?! У тебя есть мой домашний и мобильный. По мобильному можешь со мной поговорить в любое время дня и ночи. И вообще, не забивай себе голову. Я работаю в крупной компании, отвечаю за поставки товара в регионы. На работе меня ценят как высококвалифицированного специалиста. У меня очень хорошие перспективы.

– Но ведь ты в этом ничего не понимаешь...

– Жизнь заставила понимать то, что раньше было непонятно.

– Но ведь у тебя нет никакого образования...

– На моей работе не требуется образование. Тут нужны мозги, дисциплина и новые идеи. Хотя мой генеральный директор не против, чтобы в следующем году я поступила в институт. Он даже готов полностью оплатить мою учебу. И вообще, мам, мне уже черт-те сколько лет, а ты меня все контролируешь, как маленькую.

– Для меня ты всегда останешься ребенком.

Почувствовав, что мать успокоилась, я постаралась перевести разговор в другое русло и весело произнесла:

– Мам, я скоро приеду и привезу тебе подарок.

– Да мне не нужно никаких подарков. Ты только сама приезжай.

– Я тебе купила такую вещь, о которой можно только мечтать. Отгадай, что это за вещица?

– Не нужно мне ничего, – устало ответила мать.

– Это норковая шуба. Настоящая норковая шуба. До пят. Мам, ты в ней будешь как королева!

К моему удивлению, она не обрадовалась и не стала меня благодарить.

– Мам, ну что ты молчишь?! Ты не хочешь иметь норковую шубу?!

– Но ведь она очень дорого стоит. – Мать горько вздохнула. – Ты так далеко, в этой Москве, я не знаю, все ли с тобой в порядке, я просто готова умереть. Понимаешь, умереть... От боли, от страха за тебя...

Мое сердце сжалось.

– Мам, ну что ты такое несешь... Ну как тебя убедить, что со мной все в порядке?..

– Просто я что-то чувствую...

– Ну что ты чувствуешь?!

– Что-то нехорошее... Доченька, а почему ты сегодня не на работе?

– Потому что сегодня мне дали выходной, – не раздумывая соврала я.

– Выходной?! Когда я работала, нашими выходными были только субботы, воскресенье и праздники.

– Ты работала на производстве, а я в частной компании. В этом вся разница. У нас как маленькое государство, понимаешь?! Свои законы, своя власть, свои праздники. Я могу работать в субботу и воскресенье, а могу отдыхать посреди недели. А насчет шубы, мам, ты зря не обрадовалась. Я тебе ее от всего сердца

подарить хочу. Она очень красивая, и цвет симпатичный, кофейный. Мне кажется, что с размерчиком я прямо в точку попала. Она на тебе как влитая будет сидеть.

– Почему не обрадовалась? Я очень даже обрадовалась. Только к чему мне норковая шуба, доченька? Если я такую дорогую шубу надену, меня люди не поймут, шептаться за спиной начнут, пальцем показывать.

– Ну вот и пусть шепчутся, пусть пальцем показывают. Скоро ты в Москву переедешь, на черта тебе в этой деревне сидеть!

– Да тут все родное...

– Ерунда. Были бы деньги, все и тут станет родным.

– Ой, доченька, мы уже с тобой столько денег проговорили... Ты только береги себя и звони мне почаще, пожалуйста. Я тебе сегодня письмо напишу...

– Мам, мне, конечно, приятно получать твои письма, только я не умею ответы писать. Можно, я тебе лучше звонить буду?

– Конечно, звони, доченька. А я тебе еще и писать буду.

Положив телефонную трубку, я закрыла мокрое от слез лицо ладонями.

Сколько себя помню, я всегда любила и боготворила свою мать. Отца я не помню, он ушел от нас к другой женщине, когда мне было всего полгодика. Но и там у него ничего не сложилось. От этой женщины он ушел еще к одной. Так и ходил от одной к другой – ни дома, ни семьи. Мама не любит вспоминать отца. Как и многие женщины, брошенные с грудным ребенком на руках, она считает, что мой отец загубил ее молодость и вообще всю жизнь. Она всегда пахла как проклятая на трех работах, на износ, чтобы купить что-то мне, порадовать меня. Приходя усталая после работы, она падала на диван, плакала, а я гладила ее по голове и уговаривала, что наш папа не такой уж плохой, что он обязательно вернется. По вечерам, когда мама мыла полы в школе, я писала отцу письма, про то, как нам тяжело, как сильно мы его любим и ждем. Правда, у меня не было его адреса, но по детской наивности я верила, что почтальон – настоящий

волшебник, он обязательно найдет моего отца, передаст ему мои письма и папа сразу примчится к нам. По утрам, когда все еще спали, мама ходила убирать подъезды и подметать дворы... Иногда она быстро возвращалась, и я просыпалась от запаха сердечных капель и кидалась ей на подмогу. Я подметала лестничные клетки и поглядывала на чужие двери. Мне всегда казалось, что там, за этими дверями, должна быть какая-то другая, красивая, жизнь, неведомый мне мир.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/shilova_yuliya/lyubov-proveryaetsya-vremenem-ili-ego-nezhnaya-dryan

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)